

АРКАДИЙ
АВЕРЧЕНКО

Юмористические
рассказы

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература

Аркадий Аверченко

Юмористические рассказы

«ЭКСМО»

1925

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аверченко А. Т.

Юмористические рассказы / А. Т. Аверченко — «Эксмо»,
1925 — (Всемирная литература)

ISBN 978-5-04-209756-0

Аркадий Аверченко (1881—1925) — русский писатель и драматург, «король смеха», как называли его современники. Он обладал удивительной способностью воссоздавать абсурдность жизни российского обывателя, с легкостью изобретая остроумные сюжеты и создавая массу смешных положений, диалогов и импровизаций. Юмор Аверченко способен вызвать улыбку на устах даже самого серьезного читателя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209756-0

© Аверченко А. Т., 1925
© Эксмо, 1925

Содержание

Поэт	6
Здание на песке	9
Праведник	12
Двойник	15
Два мира	18
Ниночка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аркадий Аверченко

Юмористические рассказы

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Поэт

– Господин редактор, – сказал мне посетитель, смущенно потупив глаза на свои ботинки, – мне очень совестно, что я беспокою вас. Когда я подумаю, что отнимаю у вас минутку драгоценного времени, мысли мои ввергаются в пучину мрачного отчаяния... Ради бога, простите меня!

– Ничего, ничего, – ласково сказал я, – не извиняйтесь.

Он печально свесил голову на грудь.

– Нет, что уж там... Знаю, что обеспокоил вас. Для меня, не привыкшего быть назойливым, это вдвойне тяжело.

– Да вы не стесняйтесь! Я очень рад. К сожалению только, ваши стишки не подошли.

– Э?

Разинув рот, он изумленно посмотрел на меня.

– Эти стишки не подошли?!

– Да, да. Эти самые.

– Эти стишки?! Начинающиеся:

Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать...

Эти стихи, говорите вы, не пойдут?!

– К сожалению, должен сказать, что не пойдут именно эти стихи, а не какие-нибудь другие. Именно начинающиеся словами:

Хотел бы я ей черный локон...

– Почему же, господин редактор? Ведь они хорошие.

– Согласен. Лично я очень ими позабавился, но... для журнала они не подходят.

– Да вы бы их еще раз прочли!

– Да зачем же? Ведь я читал.

– Еще разик!

Я прочел в угоду посетителю еще разик и выразил одной половиной лица восхищение, а другой – сожаление, что стихи все-таки не подойдут.

– Гм... Тогда позвольте их... Я прочту! «Хотел бы я ей черный локон...»

Я терпеливо выслушал эти стихи еще раз, но потом твердо и сухо сказал:

– Стихи не подходят.

– Удивительно. Знаете что: я вам оставлю рукопись, а вы после вчитайтесь в нее. Вдруг да подойдет.

– Нет, зачем же оставлять?!

– Право, оставлю. Вы бы посоветовались с кем-нибудь, а?

– Не надо. Оставьте их у себя.

– Я в отчаянии, что отнимаю у вас секундочку времени, но...

– До свидания!

Он ушел, а я взялся за книгу, которую читал до этого. Развернув ее, я увидел положенную между страниц бумажку. Прочел:

Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполл...

– Ах, черт его возьми! Забыл свою белиберду... Опять будет шляться! Николай! Догони того человека, что был у меня, и отдай ему эту бумагу.

Николай помчался вдогонку за поэтом и удачно выполнил мое поручение.

В пять часов я поехал домой обедать.

Расплачиваясь с извозчиком, сунул руку в карман пальто и нащупал там какую-то бумажку, неизвестно как в карман попавшую.

Вынул, развернул и прочел:
Хотел бы я ей черный локон
Каждое утро чесать
И, чтоб не гневался Аполлон,
Ее власы целовать... и т. д.

Недоумевая, как эта штука попала ко мне в карман, я пожал плечами, выбросил ее на тротуар и пошел обедать.

Когда горничная внесла суп, то, помявшись, подошла ко мне и сказала:

– Кухарка чичас нашла на полу кухни бумажку с написанным. Может, нужное.

– Покажи.

Я взял бумажку и прочел:

– «Хотел бы я ей черный ло...» Ничего не понимаю! Ты говоришь, в кухне, на полу? Черт его знает... Кошмар какой-то!

Я изорвал странные стихи в клочья и в скверном настроении сел обедать.

– Чего ты такой задумчивый? – спросила жена.

– Хотел бы я ей черный ло... Фу ты черт!! Ничего, милая. Устал я.

За десертом в передней позвонили и вызвали меня... В дверях стоял швейцар и таинственно манил меня пальцем.

– Что такое?

– Тсс... Письмо вам! Велено сказать, что от одной барышни... Что они очень, мол, на вас надеются и что вы их ожидания удовлетворите!..

Швейцар дружелюбно подмигнул мне и хихикнул в кулак.

В недоумении я взял письмо и осмотрел его. Оно пахло духами, было запечатано розовым сургучом, а когда я, пожав плечами, распечатал его, там оказалась бумажка, на которой было написано:

Хотел бы я ей черный локон...

Все от первой до последней строчки.

В бешенстве изорвал я письмо в клочья и бросил на пол. Из-за моей спины выдвинулась жена и в зловещем молчании подобрала несколько обрывков письма.

– От кого это?

– Брось! Это так... глупости. Один очень надоедливый человек.

– Да? А что это тут написано?... Гм... «целовать»... «каждое утро»... «черны... локон...» Негодяй!

В лицо мне полетели клочки письма. Было не особенно больно, но обидно.

Так как обед был испорчен, то я оделся и, печальный, пошел побродить по улицам. На углу я заметил около себя мальчишку, который вертелся у моих ног, пытаюсь сунуть в карман пальто что-то беленькое, сложенное в комочек. Я дал ему тумака и, заскрежетав зубами, убежал.

На душе было тоскливо. Потолкавшись по шумным улицам, я вернулся домой и на пороге парадных дверей столкнулся с нянькой, которая возвращалась с четырехлетним Володей из кинематографа.

– Папочка! – радостно закричал Володя. – Меня дядя держал на руках! Незнакомый... дал шоколадку... бумажечку дал... Передай, говорит, папе. Я, папочка, шоколадку съел, а бумажечку тебе принес.

– Я тебя высеку, – злобно закричал я, вырывая из его рук бумажку со знакомыми словами: «Хотел бы я ей черный локон...» – Ты у меня будешь знать!..

Жена встретила меня пренебрежительно и с презрением, но все-таки сочла нужным сообщить:

– Был один господин здесь без тебя. Очень извинялся за беспокойство, что принес рукопись на дом. Он оставил ее тебе для прочтения. Наговорил мне массу комплиментов – вот это настоящий человек, умеющий ценить то, что другие не ценят, меняя это то на продажных тварей, – и просил замолвить словечко за его стихи. По-моему, что ж, стихи как стихи... Ах! Когда он читал о локонах, то так смотрел на меня...

Я пожал плечами и пошел в кабинет. На столе лежало знакомое мне желание автора целовать чьи-то волосы. Это желание я обнаружил и в ящике с сигарами, который стоял на этажерке. Затем это желание было обнаружено внутри холодной курицы, которую с обеда осудили служить нам ужином. Как это желание туда попало, кухарка толком объяснить не могла.

Желание чесать чьи-то волосы было усмотрено мной и тогда, когда я откинул одеяло с целью лечь спать. Я поправил подушку. Из нее выпало то же желание.

Утром после бессонной ночи я встал и, взявши вычищенные кухаркой ботинки, пытался натянуть их на ноги, но не мог, так как в каждом лежало по идиотскому желанию целовать чьи-то волосы.

Я вышел в кабинет и, севши за стол, написал издателю письмо с просьбой об освобождении меня от редакторских обязанностей.

Письмо пришлось переписывать, так как, сворачивая его, я заметил на обороте знакомый почерк:

Хотел бы я ей черный локон...

Здание на песке

I

Я сидел в уголку и задумчиво смотрел на них.

– Чья это ручонка? – спрашивал муж Митя жену Липочку, теребя ее за руку.

Я уверен, что муж Митя довольно хорошо был осведомлен о принадлежности этой верхней конечности именно жене Липочке, а не кому-нибудь другому, и такой вопрос задавался им просто из праздного любопытства...

– Чья это маленькая ручонка?

Самое простое – жене нужно было бы ответить:

– Мой друг, эта рука принадлежит мне. Неужели ты не видишь сам?

Вместо этого жена считает необходимым беззастенчиво солгать мужу прямо в глаза:

– Эта рука принадлежит одному маленькому дурачку.

Не опровергая очевидной лжи, муж Митя обнимает жену и начинает ее целовать. Зачем он это делает, бог его знает.

Затем муж бережно освобождает жену из своих объятий и, глядя на ее неестественно полный живот, спрашивает меня:

– Как ты думаешь, что у нас будет?

Этот вопрос муж Митя задавал мне много раз, и я каждый раз неизменно отвечал:

– Окрошка, на второе голубцы, а потом – крем.

Или:

– Завтра? Кажется, пятница.

Отвечал я так потому, что не люблю глупых, праздных вопросов.

– Да нет же! – хохотал он. – Что у нас должно родиться?

– Что? Я думаю, лишенным всякого риска мнением будет, что у вас скоро должен родиться ребенок.

– Я знаю! А кто? Мальчик или девочка?

Мне хочется дать ему практический совет: если он так интересуется полом будущего ребенка, пусть вскроет столовым ножиком жену и посмотрит. Но мне кажется, что он будет немного шокирован этим советом, и я говорю просто и бесцельно:

– Мальчик.

– Ха-ха! Я сам так думаю! Такой большущий, толстый, розовый мальчуган... Судя по некоторым данным, он должен быть крупным ребенком... А? Как ты думаешь?.. Что мы из него сделаем?

Муж Митя так надоел мне этими вопросами, что я хочу предложить вслух:

– Котлеты под морковным соусом.

Но говорю:

– Инженера.

– Правильно. Инженера или доктора. Липочка! Ты показывала уже Александру свивальнички? А нагрудничков еще не показывала? Как же это ты так?! Покажи.

Я не считаю преступлением со стороны Липочки ее забывчивость и осторожно возражаю:

– Да зачем же показывать? Я после когда-нибудь увижу.

– Нет, чего там после. Я уверен, тебя это должно заинтересовать.

Передо мной раскладываются какие-то полотняные сверточочки, квадратики.

Я трогаю пальцем один и робко говорю:

- Хороший нагрудничек.
– Да это свивальник! А вот как тебе нравится сия вещь?
Сия вещь решительно мне нравится. Я радостно киваю головой:
– Панталончики?
– Чепчик. Видите, тут всего по шести перемен, как раз хватит. А колыбельку вы не видели?
– Видел. Три раза видел.
– Пойдемте, я вам еще раз покажу. Это вас позабавит.
Начинается тщательный осмотр колыбельки.
У мужа Мити на глазах слезы.
– Вот тут он будет лежать... Большой, толстый мальчишка. «Папочка, – скажет он мне, – папочка, дай мне карамельку!» Гм... Надо будет завтра про запас купить карамели.
– Купи пуд, – советую я.
– Пуд, пожалуй, много, – задумчиво говорит муж Митя, возвращаясь с нами в гостиную.
Рассаживаемся. Начинается обычный допрос:
– А кто меня должен поцеловать?
Жена Липочка догадывается, что этот долг всецело лежит на ней.
– А чьи это губки?
Из угла я говорю могильным голосом:
– Могу заверить тебя честным словом, что губы, как и все другое на лице твоей жены, принадлежат именно ей!
– Что?
– Ничего. Советую тебе сделать опись всех конечностей и частей тела твоей жены, если какие-нибудь сомнения терзают тебя... Изредка ты можешь проверять наличие всех этих вещей.
– Друг мой... я тебя не понимаю... Он, Липочка, кажется, сегодня нервничает. Не правда ли?.. А где твои глазки?
– Эй! – кричу я. – Если ты нащупаешь ее нос, то по левой и правой стороне, немного наискосок, можешь обнаружить и глаза!.. Не советую даже терять времени на розыски в другом месте!
Вскакиваю и, не прощаясь, ухожу. Слышу за своей спиной полный любопытства вопрос:
– А чьи это ушки, которые я хочу поцеловать?..

II

- Недавно я получил странную записку:
«Дорог Александ Сегодня она, кажется, уже! Ты понимаешь?.. Приходи, посмотрим на пустую колыбельку она чувствует себя превосход. Купил на всякий слу. карамель. Остаюсь твой счастливый муж, а вскорости и счастли. отец!!!? Ого-го-го!!»
«Бедняга помешается от счастья», – подумал я, взбегаю по лестнице его квартиры.
Дверь отворил мне сам муж Митя.
– Здравствуй, дружище! Что это у тебя такое растерянное лицо? Можно поздравить?
– Поздравь, – сухо ответил он.
– Жена благополучна? Здорова?
– Ты, вероятно, спрашиваешь о той жалкой кляче, которая валяется в спальне? Они еще, видите ли, не пришли в себя... ха-ха!
Я откачнулся от него.
– Послушай... ты в уме? Или от счастья помешался?
Муж Митя сардонически расхохотался.

– Ха-ха! Можешь поздравить... пойдём покажу.

– Он в колыбельке, конечно?

– В колыбельке – черта с два! В корзине из-под белья!

Ничего не понимая, я пошел за ним и, приблизившись к громадной корзине из-под белья, с любопытством заглянул в нее.

– Послушай! – закричал я, отскочив в смятении. – Там, кажется, два!

– Два? Кажется, два? Ха-ха! Три, черт меня возьми, три!! Два наверху, а третий куда-то вниз забился. Я их свалил в корзину и жду, пока эта идиотка акушерка и воровка нянька не начнут пеленать...

Он утер глаза кулаком. Я был озадачен.

– Черт возьми... Действительно! Как же это случилось?

– А я почему знаю? Разве я хотел? Еще радовался, дурак: большой, толстый мальчишка!

Он покачал головой.

– Вот тебе и инженер!

Я попробовал утешить его.

– Да не печалься, дружище. Еще не все потеряно...

– Да как же! Теперь я погиб...

– Почему?

– Видишь ли, пока что я лишился всех своих сорочек и простынь, которые нянька сейчас рвет в кухне на пеленки. У меня забрали все наличные деньги на покупку еще двух колыбелей и наем двух мамок... Ну... и жизнь моя в будущем разбита. Я буду разорен. Всю эту тройку негодяев приходится кормить, одевать, а когда подрастут – учить... Если бы они были разного возраста, то книги и платья старшего переходили бы к среднему, а потом к младшему... Теперь же книги нужно покупать всем вместе, в гимназию отдавать сразу, а когда они подрастут, то папирос будут воровать втрое больше... Пропало... все пропало... Это жалкое, пошлое творение, когда очнется, попросит показать ей ребенка, а которого я ей предъявлю? Я думаю всех вместе показать – она от ужаса протянет ноги... как ты полагаешь?

– Дружище! Что ты говоришь! Еще на днях ты спрашивал у нее: «А чья это ручка? Чьи ушки?»

– Да... Попались бы мне теперь эти ручки и губки! О, черт возьми! Все исковеркано, испорчено... Так хорошо началось... Свивальнички, колыбельки... инженер...

– Чем же она виновата, глупый ты человек? Это закон природы.

– Закон? Беззаконие это! Эй, нянька! Принеси колыбельки для этого мусора! Вытряхивай их из корзины! Да поставь им на спине чернилами метки, чтобы при кормлении не путать... О господи!

Выходя, я натолкнулся в полутемной передней на какую-то громадную жестяную коробку. Поднявши, прочел:

«Детская карамель И. Кукушкина. С географическими описаниями для самообразования».

Праведник

Бледные лучи лунного света робко прокрадываются сквозь маленькое запыленное окошечко и причудливыми бликами ложатся на лицо человека, сидящего с опущенной головой в каморке, убого меблированной.

Глубокие черные тени пугливо прячутся во впадинах его изможденного худого лица и только слегка бледнеют, ежатся и сокращаются, когда лицо поворачивается к окну.

Против него, совсем затушевываясь в густой тьме, помещается его собеседник. Последнего совсем не было бы заметно, если бы он по временам в пылу горячего разговора не приближал своей головы к полосе лунного света.

И тогда на его лице можно прочесть ужас и негодование.

Он изредка вставляет свои замечания и вопросы. Речь же другого, тихая и монотонная, льется как дождик в пасмурный осенний день.

– ...И хотя вы исходите весь мир, не найдете ни добра, ни справедливости... Поверьте-с! Со-о-орок лет! Сорок лет ищу ее, подлюю, шарю по целому свету... И нет ни одного справедливого человека! Да-с! На что народ, народ-то наш православный, и то!.. Намедни говорю я Афимье, что через крыльцо у акцизного живет: «Эй, говорю, Афимья, не по-хорошему живешь!

Солдат-то, что каждый вечер ходит на кухню, не муж ведь, чай, а? А ведь это грех... Уймись ты, говорю, Афимья, брось солдата, живи по-хорошему!» Так что же вы думали? Возьми она да расскажи это своему хахалю... Встречает он меня в переулке, к вечеру я шел, и шепчет: «Ты, говорит, барин, тово... Афимье не пой! А то я те, говорит, такое пение пропишу, что как по нотам...» Да кулачищем на меня...

– Известно, необразованность... – вздыхает хозяин.

– Какое! А выше-то лучше? – машет рукой оратор. – Один грех... Дело тоже такое вышло на днях. Сидим мы у Перепойкина, консистерского, пьем чай. Был и Турухтанов, знаете, что опекуном над Карпычевскими сиротами назначили. Уж не знаю, как он их там опекает, а только, думаю себе, дело-то такое... соблазнительное. До греха рукой подать. А ежели что, то сирот жалко. Ежели, то есть, не по правде... И говорю я ему при всех, чтобы чувствительнее было и чтобы понял он, что я по правде. «Вот, говорю, Поликарп Семеныч, упредить тебя я хочу. Оно, конечно, ты, может, и честный человек... только не делай ты этого и сироток пожалей... Жалко ведь. Махонькие они». И так это я хорошо сказал, что сам прослезился. А он, понимаете, вскакивает да на меня. «Это, говорить, что за намеки глупые?!» – «И никаких намеков, скромно я ему отвечаю, нет, а плоть слаба, опять же махонькие они... А ежели ты, говорю, пылишь и дымишь с первого слова, так это что-то подозрительно... Нет дыму без огня!» Не успел я этого, представьте, сказать, как он меня ручищей за воротник да об пол!.. Это за мою-то правильность! Тут шум, конечно, все повскочили, а я поднялся с полу, отряхнулся, взял шапку и говорю с христианским смирением: «Бог тебя простит, Поликарп Семеныч, только вижу я теперь, что подлец ты первостатейный и сироток-то уж, без сомнения, обидишь, коли меня обидел...» Теперь, слышь, в суд на меня подает за оскорбление словами... А какое тут оскорбление? Одно назидание!..

В каморке наступает мертвая тишина.

Слушатель долго, с благоговением смотрит на гостя и наконец полуукоризненно произносит:

– И охота вам, Фома Еремеич, в чужие дела мешаться... Пользы никакой для вас, все больше неприятности!..

Фома Еремеич сокрушенно ударяет себя по колену и шепчет:

– Не могу, брат, хоть ты что!.. Правду эту самую уж больно люблю. Ох, смерть моя! Где вижу несправедливость, на стену лезу!..

Он угрюмо молчит, но вдруг лицо его озаряется каким-то новым воспоминанием.

– А вы думаете, меня не били? Били-с! – язвительно шепчет он, наклоняясь к слушателю и пронизывая его во тьме своими слезящимися глазками.

У того на лице появляется выражение ужаса, и он инстинктивно защищается рукой, как будто от чего-то страшного.

– Били-с! Это уж купцы такие. Вдовица одна, которая бедная, покупает у него фунт сахара, можно сказать, на последнюю лепту. А он, представьте, ей чуть не полфунта бумаги оберточной на сахар наворотил. Ну на что вдове бумага, посудите сами? Я не вытерпел и говорю: «Бога ты не боишься, Сиволдаев, – зачем вдову обижать? Мало что обвесил, наверное, да еще и бумагу...» Горько!

Рассказчик замолчал...

– Ну?!

– Били меня приказчики в те поры сильно... Мне говорили: «Поддай на него!» А зачем? Я только для справедливости, чтоб по правде...

По лицу слушателя видно, что он страдает еще больше, чем страдал его собеседник во время избияния приказчиками. Благоговение, жалость, гнев на непонимающих праведника людей быстро сменяются на лице его. Наконец он вскакивает, делает четыре шага вперед, потом поворачивается, как на оси, и шагает назад. Для чувств, которые его обуревают, мало комнаты длиной в четыре шага.

А Фома Еремеич уже рассказывает о каком-то капитане, который самовольно заложил золотые часы Фомы Еремеича, заставив его же и проценты платить.

Эти проценты – последняя капля в чаше невыносимо-удрученного состояния хозяина каморки.

Он, с нервно искаженным лицом, хватая рассказчика за плечи и поворачивает его лицо к лунному свету.

– Да вы что, – истерически взвизгивает он, – блажной, что ли, или в раю живете? Зачем же, зачем вы все это делаете? Разве эти купчишки да капитаны поймут?! Не поймут они! Господи! А вы – смотрите! Вы даже не возмущаетесь...

Фома Еремеич устремляет неподвижные глаза на взволнованное лицо хозяина и тоскливо шепчет:

– А правда-то! Велика правда! И не терплю я несправедливости, каковой много на свете!

И потом через минуту добавляет:

– Каковой о-очень много на свете...

Наступает долгое молчание. Слышны мягкие шаги хозяина и хриплое дыхание катарального горла Фомы Еремеича. В окно смотрит любопытная луна, вероятно досадуя, что слой пыли мешает ей видеть происходящее. Гость машинально водит головой за шагающим хозяином и жуёт губами, очевидно желая, но не решаясь что-то сказать.

Наконец он прерывает молчание.

– От дочки-то... от Верочки, говорю, известий не имеете?

– Ах, не напоминайте мне про нее! – досадливо машет рукой хозяин, и по его лицу пробегают мимолетная судорога боли. – Счастья захотела, отца не спросила, ну и что ж!.. Полюбуйтесь! Какое счастье... С офицером-то оно лучше, чем с отцом!.. Э-эх!

Он прислоняет лоб к окну и глядит прямо в желтое нахальное лицо луны.

Глядит долго-долго... И до Фомы Еремеича доносится хриплый голос:

– Проклял я ее, вот что...

Гость неодобрительно качает головой.

– Проклял! Сами бы вы на себя посмотрели, а потом и проклинали... дочку-то! Что греха таить, не сладко ей было у вас. Сами вы... и денег куча, а живете в какой-то собачьей будке; она же девица молодая, ей жить хочется, ну, театры там, конфеты и все такое... А какие у вас

конфеты? Ничего такого нет у вас! И живете вы бобылем сейчас, и никто вам глаз не закроет, ежели что...

Хозяин сначала удивленно прислушивается к словам Фомы Еремеича, но потом вдруг бледнеет от злости и начинает кричать, заломивши руки:

– Позвольте! Что же это такое? Как это вы мне?.. Да это вас не касается!! Мои семейные отношения, они мои и есть; а вы... вы зачем же мешаетесь? И такие слова...

– Нет-с, вы позвольте! – вскакивает с места Фома Еремеич.

Его нельзя узнать. Он преобразился... Глаза у него уже не мутные, а грозные, сверкающие. Он делается выше ростом, и указательный палец его твердо и значительно устремляется на хозяина. Как боевой конь при звуке трубы, он выпрямляется при одном намеке на когда-то и кем-то совершенную несправедливость.

– Вы мне позвольте! Я долго молчал, полагал, может, одумаетесь. Ан оно вот что... Проклял! Это по правде, а? А тебя бы, старого дурака, проклясть – ты бы что запел? Она девица молодая, ей кон... фекты...

Дальше он начинает хрипеть, потому что рука хозяина схватывает его за ворот.

– А, так ты меня же... и упрекаешь! Я, может, страдал, как в аду, два года; а ты... конфеты! Я тебе дам конфеты... Не смей! Уходи, пока я не расштался! Плохо будет... И не смей никогда ко мне ходить с такими словами... Уходи!

Через минуту Фома Еремеич, еще более похудевший и печальный, шагает по улице. Во впятинах под глазами сверкает по слезинке, и губы дрожать от недавней обиды.

Он бросает взгляд на залитую холодным лунным светом улицу, на прозрачное звездное небо и шепчет сокрушенно:

– Такой широкий мир, и так мало правды... Гм... Даже странно!

Двойник

Молодой человек Колесакин называл сам себя застенчивым весельчаком.

Приятели называли его забавником и юмористом, а уголовный суд, если бы веселый Колесакин попал под его отеческую руку, разошелся бы в оценке характера веселого Колесакина и с ним самим, и Колесакиновыми приятелями.

Колесакин сидел на вокзале небольшого провинциального города, куда он приехал на один день по какому-то вздорному поручению старой тетки.

Его радовало все: и телячья котлета, которую он ел, и вино, которое он пил, и какая-то заблудшая девица в голубенькой шляпке за соседним столиком – все это вызывало на приятном лице Колесакина веселую, благодушную улыбку.

Неожиданно за его спиной раздалось:

– А-а! Сколько зим, сколько лет!!

Колесакин вскочил, обернулся и недоумевающе взглянул на толстого красного человека, с лицом, блестящим от скупого вокзального света, как медный шар.

Красный господин приветливо протянул Колесакину руку и долго тряс ее, будто желая вытрясти все колесакинское недоумение:

– Ну как же вы, батенька, поживаете?

«Черт его знает, – подумал Колесакин, – может быть, действительно где-нибудь познакомились. Неловко сказать, что не помню».

И ответил:

– Ничего, благодарю. Вы как?

Медный толстяк расхохотался.

– Хо-хо! А что нам делается?! Ваши здоровеньки?

– Ничего... Слава богу, – неопределенно ответил Колесакин и, из вежливого желания поддержать с незнакомым толстяком разговор, спросил: – Отчего вас давно не видно?

– Меня-то что! А вот вы, дорогой, забыли нас совсем. Жена и то спрашивает... Ах, черт возьми, вспомнил! Ведь вы меня, наверное, втайне ругаете?

– Нет, – совершенно искренно возразил Колесакин. – Я вас никогда не ругал.

– Да знаем... – хитро подмигнул толстяк. – А за триста-то рублей! Куриозно! Вместо того чтобы инженер брал у поставщика, инженер дал поставщику! А ведь я, батенька, в тот же вечер и продул их, признаться.

– Неужели?

– Уверяю вас! Кстати, что вспомнил... Позвольте рассчитаться. Большое мерси!

Толстяк вынул похожий на обладателя его – такой же толстый и такой же медно-красный – бумажник и положил перед Колесакиным три сотенные бумажки.

В Колесакине стала просыпаться его веселость и юмор.

– Очень вам благодарен, – сказал он, принимая деньги. – А скажите... не могли бы вы – услугу за услугу – до послезавтра одолжить мне еще четыреста рублей? Платежи, знаете, расчет срочный... послезавтра я вам пришлю, а?

– Сделайте одолжение! Пожалуйста! В клубе как-нибудь столкнемся – рассчитаемся. А кстати: куда девать те доски, о которых я вам писал? Чтобы не заплатить нам за полежалое.

– Куда? Да свезите их ко мне, что ли. Пусть во дворе полежат.

Толстый господин так удивился, что высоко поднял брови, вследствие чего маленькие заплывшие глазки его впервые как будто глянули на свет божий.

– Что вы! Шутить изволите, батенька? Это три-то вагона?

– Да! – решительно и твердо сказал Колесакин. – У меня есть свои соображения, которые... Одним словом, чтобы эти доски были доставлены ко мне – вот и все. А пока позвольте с вами раскланяться. Человек! Получи. Жене привет!

– Спасибо! – сказал толстый поставщик, тряся руку Колесакина. – Кстати, что Эндименов?

– Эндименов? Ничего, по-прежнему.

– Рипается?

– Ого!

– А она что?

Колесакин пожал плечами.

– Что ж она... Ведь вы сами, кажется, знаете, что своего характера ей не переделать.

– Совершенно правильно, Вадим Григорьич! Золотые слова. До свидания.

Это был первый веселый поступок, совершенный Павлушей Колесакиным. Второй поступок совершился через час в сумерках деревьев городского чахлого бульвара, куда Колесакин отправился после окончания несложных теткинских дел.

Навстречу ему со скамейки поднялась стройная женская фигура, и послышался радостный голос:

– Вадим! Ты?! Вот уж не ждала тебя сегодня! Однако как ты изменился за эти две недели! Почему не в форме?

«А она прехорошенькая! – подумал Колесакин, чувствуя пробуждение своего неугомонного юмора. – Моему двойничку-инженеру живется, очевидно, превесело».

– Надоело в форме! Ну, как ты поживаешь? – любезно спросил веселый Колесакин, быстро овладевая своим странным положением. – Поцелуй меня, деточка.

– Ка-ак? Поцелуй? Но ведь тогда ты говорил, что нам самое лучшее и честное расстаться?

– Я много передумал с тех пор, – сказал Колесакин дрожащим голосом, – и решил, что ты должна быть моей! Сядем вот здесь... Тут темно. Садись ко мне на колени...

– А знаешь что, – продолжал он потом, тронутый ее любовью, – переезжай послезавтра ко мне! Заживем на славу.

Девушка отшатнулась.

– Как к тебе?! А... жена?

– Какая жена?

– Твоя!

– Ага!.. Она не жена мне. Не удивляйся, милая! Здесь есть чужая тайна, которую я не вправе открыть до послезавтра... Она – моя сестра!

– Но ведь у вас же двое детей!

– Приемные! Остались после одного нашего друга. Старый морской волк... Утонул в Индийском океане. Отчаянию не было пределов... Одним словом, послезавтра собирай все свои вещи и прямо ко мне на квартиру.

– А... сестра?

– Она будет очень рада. Будем воспитывать вместе детей... Научим уважать их память отца!.. В долгие зимние вечера... Поцелуй меня, мое сокровище.

– Господи... Я, право, не могу опомниться... В тебе есть что-то чужое, ты говоришь такие странные вещи...

– Оставь. Брось... До послезавтра... Мне теперь так хорошо... Это такие минуты, которые, которые...

В половине одиннадцатого ночи весельчак Колесакин вышел из сада утомленный, но довольный собой и по-прежнему готовый на всякие веселые авантюры.

Кликнул извозчика, поехал в лучший ресторан и, войдя в освещенную залу, был встречен низкими поклонами метрдотеля.

– Давненько не изволили... забыли нас, Вадим Григорьич. Николай! Стол получше господину Зайцеву. Пожалуйста-с!

На эстраде играл какой-то дамский оркестр.

Решив твердо, что завтра с утра нужно уехать, Колесакин сегодня разрешил себе кутнуть.

Он пригласил в кабинет двух скрипачек и барабанщицу, потребовал шампанского, винограду и стал веселиться...

После шампанского показывал жонглирование двумя бутылками и стулом. Но когда разбил нечаянно бутылкой трюмо, то разочаровался в жонглировании и обрушился с присущим ему в пьяном виде мрачным юмором на рояль: бил по клавишам кулаком, крича в то же время:

– Молчите, проклятые струны!

В конце концов он своего добился: проклятые струны замолчали, за что буфетчик увеличил длинный и печальный счет на 150 рублей...

Потом Колесакин танцевал на столе, покрытом посудой, грациозный танец неизвестного наименования, а когда в соседнем кабинете возмутились и попросили вести себя тише, то Колесакин отомстил за свою поруганную честь тем, что, схвативши маленький барабан, прорвал его кожу и нахлобучил на голову поборника тишины.

Писали протокол. Было мокро, смято и печально. Все разошлись, кроме Колесакина, который, всеми покинутый, диктовал околоточному свое имя и фамилию:

– Вадим Григорьич Зайцев, инженер.

Счет на 627 рублей 55 коп. Колесакин велел отослать к себе на квартиру.

– Только, пожалуйста, послезавтра!

Уезжал Колесакин на другой день рано утром, веселый, ощущая в кармане много денег и в голове приятную тяжесть.

Когда он шел по пустынному перрону, сопровождаемый носильщиком, к нему подошел высокий щеголеватый господин и строго сказал:

– Я вас поджидаю! Мы, кажется, встречались... Вы – инженер Зайцев?

– Да!

– Вы не отказываетесь от того, что говорили на прошлой неделе на журфиксе Заварзеевых?

– У Заварзеевых? Ни капельки! – твердо ответил Колесакин.

– Так вот вам. Получите!

Мелькнула в воздухе холеная рука, и прозвучала сильная глухая пощечина.

– Милостивый государь! – вскричал Колесакин, пошатнувшись. – За что вы деретесь?..

– Я буду бить так всякого мерзавца, который станет утверждать, что я нечестно играю в карты!

И, повернувшись, стал удаляться. Колесакин хотел догнать его и сообщить, что он не Зайцев, что он пошутил... Но решил, что уже поздно.

Когда ехал в поезде, деньги уже не радовали его и беспечное веселье потускнело и съжилось...

И при всей смешливости своей натуры веселый Колесакин совершенно забыл потешиться в душе над странным и тяжелым положением инженера Зайцева на другой день.

Два мира

I

Два человека шли по пыльной, залитой светом луны улице города Чугуева и беседовали:

– Так, значит, так-то, брат Перепелицын...

– Именно так, Никеша.

– В Питер, значит... Только как же ты поедешь, если не знаешь, что там еще с тобой будет?

– Это пустяки! Я сегодня уже написал моему питерскому приятелю Шелестову, чтобы он узнал как и что. Скажем, три дня письмо туда, три дня – ответ обратно. Ну... да день ему на справки. Итого – через неделю получу.

II

Два человека лежали на диванах в большой мебелированной комнате, выходившей окнами на шумную петербургскую улицу, и тихо беседовали:

– Сегодня Стрелка, завтра – Стрелка. Сегодня Аквариум, завтра – Аквариум... Скучно, брат Шелестов... Правильно сказал великий психолог Гоголь: скучно жить на этом свете, господа!

В дверь постучали.

– Вам письмо, господин Шелестов!

– От кого это? – лениво спросил приятель Шелестова, забрасывая ногу на спинку дивана.

– Недоумеваю... Гм... Какой-то Перепелицын... Чего ему нужно, этому удивительному Перепелицыну? Ага! Из Чугуева... Припоминаю Перепелицына! Был такой человек, с которым мы во дни оны играли в перья и воровали огурцы на огородах.

– Наглец! – сказал, зевая, приятель Лошадятников.

– Не хочет ли он теперь, под угрозой раскрытия этих хищений, шантажировать тебя?

– «Дорогой Петруша! Ты, конечно, страшно сердит на меня за то, что я за эти шесть лет не удосужился написать ни строчки, но что поделать – такова уж городская шумная жизнь. У нас, в Чугуеве, очень весело – недавно приезжал цирк и играла малороссийская труппа. Очень хорошо играли. Могу сообщить новость, которая тебя очень удивит: Пальцев разошелся с женой и живет теперь с акушеркой Звездич».

– Кто сей Пальцев? – спросил Лошадятников.

– Понятия не имею!

– Так что выбор акушерки Звездич и ее дальнейшая судьба тебя не заинтриговывает?

– Ты видишь, я остаюсь совершенно хладнокровен. Продолжаю: «У меня к тебе есть маленькая просьба, которую, надеюсь, исполнишь: по получении сего письма заезжай на политехнические курсы (адреса не знаю) и узнай условия приема и срок подачи прошений. Потом еще просьба от Кати Шанкс – нельзя ли достать «Вестник моды» за прошлый год № 9, – ей для чего-то нужен. Вышли налоговым платежом. Твой Илья Перепелицын».

Шелестов засвистал какой-то неведомый мотив и принялся складывать из письма петуха. Когда это занятие ему надоело, он забросил петуха за диван и сладко потянулся.

– Ты бы хоть адрес его заметил... – сказал Лошадятников.

– Чей адрес?

– Куропаткина.

- А на что он мне?
- Положим. Ты бы одевался. Скоро девять.

III

Прошла неделя.

- Вам письмо, барин!

Шелестов повернулся на кровати и прищурился на горничную.

- Давай-ка его сюда. Да чего ты боишься? Подойди ближе.

У горничной были, очевидно, какие-либо свои соображения и взгляды, потому что ближе она не подошла, а, бросив письмо на одеяло, отпрыгнула и убежала.

- От кого бы это?

Писал Илья Перепелицын.

– «Дорогой Петруша! Прошла неделя, а от тебя ответа нет. Сомневаюсь – получил ли ты мое письмо? На всякий случай, прошу тебя, кроме политехникума, заехать на фельдшерские курсы и узнать условия приема и программу. Кстати, можешь Кате Шанкс «Вестник моды» не высылать. Она нашла его у Колопытовых. А с Колопытовыми, ты не поверишь, какой случай: Ивану Григорьевичу во время сна заполз в ухо маленький таракан, а жена его заперла, когда уходила. Он выскочил из окна и получил сотрясение мозга. Да, забыл я прошлый раз написать – кланялся тебе Гриша Седых. Представь себе, он уже в аптеке фармацевтом. Дорогой Петруша! Зайди в магазин Бурхардта и узнай, есть ли пластинки куплетиста Бурдастова. Если есть – вышли наложенным платежом. Буду весьма благодарен... А Пальцев уже ухаживает за попадшей, женой о. Ионы. Звездич в отчаянии. Твой Илья Перепелицын».

В дверь постучали. Вошел, приплясывая, Лошадятников.

- А у меня есть ложа на Крестовский... товский, товский, товский, кий!

– Можешь представить себе, Митя, потрясающую новость: Пальцев, оказывается, ухаживает за женой о. Ионы.

Лошадятников посмотрел на приятеля широко раскрытыми глазами:

- Какой Пальцев? Какого Ионы?

– Да я и сам, собственно, не знаю. Но об этом считает нужным поставить меня в известность Илья Перепелицын.

- Какой Перепелицын?

– Боже ты мой! Перепелицын – знаменитый чугуевский Перепелицын. Но ты – сущее дерево... Ты способен остаться равнодушным даже к тому, что Гриша Седых служит фармацевтом?

- Ах, это тот... чудака пишет? Еще что-нибудь поручает?

- Как же! Просит заехать на фельдшерские курсы и за граммофонными пластинками.

- Что ж ты?

- Ну конечно, я моментально. Сейчас же лечу, как молния.

– Однако слушай... Брось глупости. Поговорим о серьезном. Ты едешь завтра в Павловск? Будет Мушка и Дегтяльцева.

- Вам телеграмма, – сказала горничная, просовывая в дверь руку.

Шелестов взял телеграмму и, заинтересованный, развернул ее.

- От кого? – спросил Лошадятников.

– Ну конечно же... от Ильи Перепелицына. «По некоторым обстоятельствам выезжаю сам Петруша встретить меня на Николаевском вокзале завтра утром Илья Перепелицын».

- Шелестов?!

- Ну?

- Ведь он дурак?

– Форменный.

За окном заиграла шарманка.

Лошадятников поморщился, вынул пятак, завернул его в телеграмму Ильи Перепелицына и выбросил это несложное сооружение за окно. Потом обрушился всей тяжестью на кровать рядом с Шелестовым и деловито спросил:

– Сегодня свободен?

– По горло. В двенадцать – отель «Де Франс», в половине второго – банк, в четыре – к Уржумцеву, семь – у Павлищевых и десять – Крестовский.

– И у тебя не выберется времени погоревать о судьбе акушерки Звездич и поведении Пальцева?

– Что делать! Такова участь о. Ионы, – вздохнул Шелестов.

IV

Через три дня Шелестов получил письмо:

«Дорогой Петруша! Я страшно перед тобой виноват. Ты, наверно, очень удивился, приехав на вокзал и не найдя меня. Очень перед тобой извиняюсь. Дело в том, что обстоятельства изменились и я должен остаться еще на две недели. Но ты не беспокойся – я сообщу тебе точный день выезда. Пластинки куплетиста Бурдастова я еще не получил. Не знаю почему: вероятно, задержка в дороге. Можешь представить – о. Иона узнал обо всем, и вышел большой скандал. У нас открылся новый биоскоп – уже по счету третий. Помнишь Киликиных? Их недавно описали. Никеша очень просил тебе кланяться. Он еще здесь. Твой Илья Перепелицын».

Прочтя это письмо, Лошадятников сказал:

– Знаешь, твой этот Перепелицын начинает мне нравится. Роскошный юноша!

V

Три долгих месяца пронеслось над головами Шелестова, Лошадятникова и Перепелицына.

Однажды вечером Шелестов и Лошадятников заехали за Перепелицыным, не попавшим ни на фельдшерские, ни на политехнические курсы, а просто жившим в столице на те 100 рублей, которые присылали ему родители.

– Перепелка! – сказал, входя, Шелестов. – Вот тебе письмо. Я внизу у почтальона взял на твое имя. Из Чугуева.

– От кого?! Решительно недоумеваю...

Перепелицын пожал плечами и распечатал письмо.

– «Дорогой Илюша, – прочел он. – Тебе все кланяются. Пишу тебе это я, Никеша... Голубчик, большая к тебе просьба: заезжай в какой-нибудь магазин фотографических принадлежностей и узнай, сколько стоит «Кодак». Если недорого – вышли наложенным платежом. Еще просьба – вышли дюжину открыток с видами Петербурга. Очень интересно. Какие у вас стоят погоды? А знаешь, вчера видели Пальцева с Корягиной Лидочкой. Что ты на это скажешь? Сообщи в письме, не родственник ли Леонид Андреев купцу нашему Николаю Андрееву? Сын его Петя очень интересуется этим вопросом. Твой Никеша Чебурахин».

– Слушай, Перепелка, – сказал Шелестов, выслушав содержание письма. – Ведь этот Никеша, очевидно, дурак?

Перепелицын пожал плечами.

– Форменный.

Ниночка

I

Начальник службы тяги, старик Мишкин, пригласил в кабинет ремингтонистку Ниночку Ряднову и, протянувши ей два черновика, попросил ее переписать их начисто.

Когда Мишкин передавал эти бумаги, то внимательно посмотрел на Ниночку и, благодаря солнечному свету, впервые разглядел ее как следует.

Перед ним стояла полненькая, с высокой грудью девушка среднего роста. Красивое белое лицо ее было спокойно, и только в глазах время от времени пробежали искорки голубого света.

Мишкин подошел к ней ближе и сказал:

– Так вы, это самое... перепишите бумаги. Я вас не затрудняю?

– Почему же? – удивилась Ниночка. – Я за это жалованье получаю.

– Так, так... жалованье. Это верно, что жалованье. У вас грудь не болит от машинки? Было бы печально, если бы такая красивая грудь да вдруг бы болела...

– Грудь не болит.

– Я очень рад. Вам не холодно?

– Отчего же мне может быть холодно?

– Кофточка у вас такая тоненькая, прозрачная... Ишь, вон у вас руки просвечивают. Красивые руки. У вас есть мускулы на руках?

– Оставьте мои руки в покое!

– Милая... Одну минутку... Пойдите... Зачем вырваться? Я, это самое... рукав, который просвечив...

– Пустите руку! Как вы смеете! Мне больно! Негодяй!

Ниночка Ряднова вырвалась из жилистых дрожащих рук старого Мишкина и выбежала в общую комнату, где занимались другие служащие службы тяги.

Волосы у нее сбились в сторону, и левая рука, выше локтя, немилосердно ныла.

– Мерзавец, – прошептала Ниночка. – Я тебе этого так не прощу.

Она надела на пишущую машину колпак, оделась сама и, выйдя из управления, остановилась на тротуаре. Задумалась:

«К кому же мне идти? Пойду к адвокату».

II

Адвокат Язычников принял Ниночку немедленно и выслушал ее внимательно.

– Какой негодяй! А еще старик! Чего же вы теперь хотите? – ласково спросил адвокат Язычников.

– Нельзя ли его сослать в Сибирь? – попросила Ниночка.

– В Сибирь нельзя... А притянуть его вообще к ответственности можно.

– Ну притяните.

– У вас есть свидетели?

– Я – свидетельница, – сказала Ниночка.

– Нет, вы – потерпевшая. Но если не было свидетелей, то, может быть, есть у вас следы насилия?

– Конечно есть. Он произвел надо мной гнусное насилие. Схватил за руку. Наверно, там теперь синяк.

Адвокат Язычников задумчиво посмотрел на пышную Ниночкину грудь, на красивые губы и розовые щеки, по одной из которых катилась слезинка.

– Покажите руку, – сказал адвокат.

– Вот тут, под кофточкой.

– Вам придется снять кофточку.

– Но ведь вы же не доктор, а адвокат, – удивилась Ниночка.

– Это ничего не значит. Функции доктора и адвоката так родственны друг другу, что часто смешиваются между собой. Вы знаете, что такое алиби?

– Нет, не знаю.

– Вот то-то и оно-то. Для того чтобы установить наличие преступления, я должен прежде всего установить ваше алиби. Снимите кофточку.

Ниночка густо покраснела и, вздохнув, стала неловко расстегивать крючки и спускать с одного плеча кофточку.

Адвокат ей помогал. Когда обнажилась розовая, упругая Ниночкина рука с ямочкой на локте, адвокат дотронулся пальцами до красного места на бело-розовом фоне плеча и вежливо сказал:

– Простите, я должен освидетельствовать. Поднимите руки. А это что такое?.. Грудь?

– Не трогайте меня! – вскричала Ниночка. – Как вы смеете?

Дрожа всем телом, она схватила кофточку и стала поспешно натягивать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.